

ЕСЬКОВА Н. А.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ФАКТОВ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ *

Задача настоящей статьи — исходя из определенного понимания устройства словоформы русского глагола — предложить интерпретацию ряда морфологических фактов. Объектом рассмотрения являются некоторые непродуктивные группы глаголов, глаголы уникального устройства, аномальные парадигмы и отдельные аномальные словоформы; предлагается, в частности, объяснение некоторых явлений, находящихся за пределами литературной нормы или на ее периферии.

Сущность предлагаемого подхода — в признании п р и н ц и п и а л ь н о й т р е х ч л е н н о с т и словоформы глагола. Если именная словоформа с словоизменительной точки зрения делится на два элемента — основу и флексию, то словоформа глагола не может состоять меньше чем из трех компонентов. Непременной составной частью любой глагольной словоформы является элемент, находящийся между основой и флексией (или суффиксом), который лучше всего называть т е м о й. Примеры членения словоформ инфинитива: *чит-а-ть*, *рыж-е-ть* *леч-и-ть* (-а-, -е-, -и- — тематические элементы).

Такая точка зрения означает пересмотр термина «основа». Широко распространен подход, при котором словоформы глагола возводятся к двум основам — основе инфинитива и основе настоящего времени. При предлагаемом понимании основой названо то, что остается от основы в традиционном смысле после вычленения из нее темы. Традиционные две основы создаются соотносительными тематическими элементами, выступающими в двух глагольных подпарадигмах, одна из которых включает инфинитив, прошедшее время, причастия прошедшего времени и дееспричастие совершенного вида, а другая — настоящее-будущее время, повелительное наклонение, причастия настоящего времени и деепричастие несовершенного вида. В дальнейшем эти две подпарадигмы будут обозначаться как «подпарадигма прошедшего времени» и «подпарадигма настоящего времени», а настоящее-будущее время будет именоваться настоящим.

Регулярные соотношения тематических элементов, выступающих в двух подпарадигмах, образуют морфологические классы глаголов. Здесь принимается следующая классификация.

- I класс: а — а₁ (*чит-а-ть* — *чит-а₁-у*)
- II класс: е — е₁ (*бел-е-ть* — *бел-е₁-у*)
- III класс: ова — у₁∅ (*рис-ова-ть* — *рис-у₁∅-у*)
- IV класс: и — ∅₁ (*ход-и-ть* — *ход-∅₁-у*)
- V класс: (н)у — (н)∅ (*прыгн-у-ть* — *прыгн-∅-у*)

* Статья написана на основе двух сообщений, сделанных в Институте языкознания АН СССР на заседаниях, посвященных памяти моего учителя А. А. Реформатского, 11 мая 1979 г. и 16 октября 1985 г.

VI класс: $a - \theta_2$ (*пис-а-ть — пиш-ѳ-у*)
 VII класс: $e/a - \theta_1$ (*сид-е-ть — сиж-ѳ-у, крич-а-ть — крич-ѳ-у*)
 VIII класс: $ny, \theta - n$ (*мёрз-ny-ть, мёрз-ѳ-ѳ — мёрз-н-у*)
 IX класс: $\theta - \theta$ (*нес-ѳ-ти — нес-ѳ-у*)

Классы I—V восходят к продуктивным классам С. О. Карцевского (см. [1]), непродуктивные классы VI—IX почти повторяют А. В. Исаченко (VII класс объединяет его VII и VIII классы, VIII и IX соответствуют его IX и X классам; см. [2]).

За пределами этих классов остаются глаголы, образованные примерно от 60 корней; на их классификации здесь нет необходимости останавливаться.

Тематические элементы являются носителями морфологических и морфонологических особенностей каждого глагольного класса. Они определяют систему чередований (именно поэтому «пустые» тематические элементы, вызывающие разные чередования, даны выше с разными индексами), выбор системы флексий (признак «спряжение» оказывается зависимым и целиком предсказуемым), а также выбор некоторых аффиксов причастий.

И оказывается, что большинство нерегулярностей русской глагольной морфологии может быть отнесено за счет нерегулярного использования тематических элементов. Иначе говоря, большинство морфологических аномалий русских глаголов можно представить как неправильное сочетание «нормальностей», т. е. как контаминацию признаков разных глагольных классов в пределах системы форм словоизменения одного глагола¹.

Глаголы, у которых признаки разных классов обнаруживаются в пределах подпарадигмы настоящего времени, называют обычно разноспрягаемыми. Фактически они «разнотемные»: глагол *хотеть* сочетает признаки VI (*хочешь, хочет*) и VII (*хотим, хотите, хотят, хотящий*) классов; глагол *бежать* — VII (*бежишь, бежит, бежим, бежите*) и IX (*бегу, бегут, бегущий*) классов. Флексии I или II спряжений определяются тематическими элементами, от которых зависят и чередования.

Контаминированные глагольные парадигмы не выглядят столь аномальными, когда разнородные тематические элементы сочетаются более «правильно», распределяясь по подпарадигмам настоящего и прошедшего времени.

Есть группа глаголов, обладающих существенным признаком VI класса — соотношением «тема *a* в подпарадигме прошедшего времени — нулевой тематический элемент в подпарадигме настоящего времени». Это глаголы: *братъ, вратъ, ѳратъ, жаждаѳъ, ждаѳъ, жратъ, зваѳъ, лагаѳъ, ораѳъ* («кричать»), *рваѳъ, сосаѳъ, стонаѳъ, ткаѳъ*; ср.: *вр-а-ть — вр-ѳ-у*.

Однако глаголам VI класса присущи два существенных морфонологических признака — чередование конечных согласных основы и сдвиг ударения с флексии на основу во всех формах настоящего времени, кроме первого лица: *писаѳъ — пишу — пишѳет, вязаѳъ — вяжѳу — вяжет, шептаѳъ — шепчѳу — шѳпчет, дремаѳъ — дремлю — дрѳмлет, трѳпѳать — трѳплю — трѳплет* и т. д. Носителем этих признаков можно считать выступающий в подпарадигме настоящего времени нулевой тематический элемент.

Поскольку глаголы типа *вратъ* и *сосаѳъ* не имеют отмеченных морфонологических признаков (ср. *соверѳу — соверѳет, сосѳу — сосѳет*), нельзя считать, что в них представлен тот же «нуль», что у глаголов VI класса. В то

¹ Впервые такой подход к морфологическим аномалиям в глагольной системе был предложен на Советании по формальной морфологии и словообразованию, проходившем с 10 по 21 января 1972 г. в Можкинке (под Москвой); см. [3].

же время настоящее время этих глаголов оказывается устроенным так же, как у глаголов типа *нести* (ср. *сосу* — *сосёт* и *несу* — *несёт*, *жду* — *ждёт* и *веду* — *ведёт*). Это дает право считать, что у тех и других глаголов в подпарадигме настоящего времени представлен один и тот же тематический элемент. Иными словами, нет необходимости «заводить» для глаголов типа *брать*, *сосать* особый класс или подкласс: они сочетают в себе признаки IV и IX классов, т. е. имеют контаминированные парадигмы с темами *a* (IV класса) — *υ* (IX класса).

Таким же образом можно показать, что уникальный глагол *реветь* (для которого в «Русской грамматике» 1980 г. заведен особый подкласс; см. [4]) имеет контаминированную парадигму с темами VII и IX классов. (Известно, что в некоторых диалектах он сохраняется как глагол VII класса с настоящим временем *револю*, *ревит*; его былую принадлежность к этому классу выдает и семантика.)

Контаминацию тех же VII и IX классов с более прихотливым распределением тематических элементов можно усмотреть в глаголах *мереть*, *переть*, *тереть*, *простереть*: по VII классу оформлены инфинитив и деепричастия (*замерев*, *отперев*, *вытерев*, *распростерев*), остальные же формы образуются так, как у глаголов IX класса (*замру*, *замрёт*, *замер*, *замерла*, *замерший*).

Глагол *спать* имеет контаминированную парадигму с «правильно» распределенными по подпарадигмам тематическими элементами: *спать* — *спал* — *спавший* с темой VI класса (ср. *трепать* — *трепал* — *трепавший*) и *сплю* — *спит* — *спят* с темой, общей для IV и VII классов (ср. *креплю* — *крепит* — *крепят* от *крепить* и *скриплю* — *скрипит* — *скрипят* от *скрипеть*).

Так же устроен глагол *гнать* — с той разницей, что в настоящем времени у него появляется беглая гласная: *гнать* — *гоню*, *гонит*, *гонят*.

Прихотливо устроены приставочные глаголы на *-шибить*. Инфинитив и страдательные причастия (*расшибленный*, *ушибленный*) имеют тему IV класса, прошедшее и будущее время образованы по IX классу (*ушиб*, *ушибла*, *ушибу*, *ушибёт* — как *грёб*, *гребла*, *гребу*, *гребёт*). Что же касается действительных причастий и деепричастий, то для них до недавнего времени не был нормативно закреплён «выбор» между этими двумя возможностями, т. е. между формами типа *ушибивший*, *ошибившийся*, *ушибив*, *ошибившись* (образованными по IV классу) и формами типа *ушибший*, *ошибшийся*, *ушибши*, *ошибшись* (по IX классу). В последнее время появились нормативные указания в пользу форм первого типа — образованных по IV классу (см. [5] и [6]).

Контаминированные парадигмы имеют также глаголы *читать* (IV класс, кроме словоформ *читу*, *читут*, *читущий*, содержащих тему IX класса), *жиздиться* (IV и IX классы с «правильным» распределением), *зыбиться* (IV и VI классы, тоже распределенные по подпарадигмам).

Предлагаемый подход дает возможность объяснить природу некоторых вариантных словоформ.

Глаголы VIII класса на *-стигнуть* (с приставками *до-*, *за-*, *на-*, *по-*) имеют варианты инфинитива на *-стичь*. Можно считать, что эти вариантные словоформы содержат тематический элемент IX класса, присоединяемый к основе на *-стиг-* (ср. *постичь* и *постричь*).

Так же можно объяснить образование форм страдательных причастий на *-верженный* (с приставками *в-*, *из-*, *них-*, *ниспро-*, *по-*, *с-*), выступающих как варианты с архаическим оттенком к основным формам на *-вергнутый* глаголов на *-вергнуть* (*вергнутый*, *повергнутый* и т. д.). Эти варианты

причастных форм тоже содержат тему IX класса (ср. *поверг* — *поверженный* и *постриг* — *постриженный*).

Строго нормативными формами страдательных причастий приставочных глаголов от *пеленать* признаются образования на *-пелёнатый* (*запелёнатый*, *перепелёнатый*, *распелёнатый*, *спелёнатый*). Они вытесняются вариантами на *-пелёнутый* (*запелёнутый* и т. д.), которые уже перестали «запрещать» в нормативных словарях. Как объяснить появление этих вариантов? Дело в том, что строго нормативные варианты морфологически аномальны, регулярными были бы формы на **-пелёнанный* (ср. *запятнать* — *запятнанный*). В то же время причастный суффикс *-т-* закономерен у глаголов на *-нуть* V класса (*подчёркнутый*, *раздвинутый*, *заглопнутый* и т. п.). В формах *запелёнутый*, *распелёнутый* и пр. произошла «подстановка» тематического элемента другого глагольного класса, «оправдывающая» выбор причастного суффикса *-т-*. Возникает контаминированная парадигма, но устраняется аномалия в выборе суффикса страдательного причастия.

Перейдем к рассмотрению двух явлений, приводящих к возникновению у нескольких глаголов вариантных подпарадигм настоящего времени. Здесь придется иметь дело преимущественно с фактами, находящимися за пределами литературной нормы или на ее периферии. Оба явления включают в себе много загадочного, что обнаруживается, в частности, в некоторых написаниях. Поэтому «разгадки» будут касаться не только морфологии, но и орфографии.

1. Первое явление касается нескольких глаголов VI класса с основами на губные согласные: *сыпать*, *трепать*, *щипать*, отчасти *дремать*. Рассмотрим его на примере глагола *сыпать*.

Наряду со строго нормативной системой форм настоящего времени *сыплю*, *сыплешь*, *сыплет*, *сыплем*, *сыплете*, *сыплют* существуют варианты словоформ (кроме первого лица) *сыпешь*, *сыпет*, *сыпем*, *сыпете*, *сыпят*. Свойственные преимущественно устной речи и «полупризнанные» литературной нормой, они тем не менее проникают в печать и чаще всего пишутся именно так: *сыпет* (с флексией первого спряжения), но *сыпят* (с флексией второго спряжения). Как объяснить их появление и оправдана ли такая письменная передача?

Оставив пока в стороне орфографию, обратим внимание на то, что в «новоявленной» подпарадигме глагола *сыпать* возникает морфонологическое противопоставление 1 л. ед. числа прочим словоформам: *сыплю* — *сыпет*, *сыпят*. Такое соотношение чередующихся конечных согласных основы бывает представлено в подпарадигмах настоящего времени глаголов двух классов — IV и VII, реализуясь противопоставлением шипящих мягким зубным (*прошу* — *просит*, *просят* от *просить*, *гляжу* — *глядит*, *глядят* от *глядеть*) и сочетаний губных с <л'> — мягким губным (*кормлю* — *кормит*, *кормят* от *кормить*, *скорблю* — *скорбит*, *скорбят* от *скорбеть*). С такой системой чередований могут сочетаться только флексии второго спряжения. В соответствии с предлагаемым здесь способом описания носителем этих морфонологических и морфонологических признаков признается выступающий в подпарадигме настоящего времени глаголов этих классов тематический элемент.

Происходящее с глаголом *сыпать* и подобными ему может быть представлено как результат «проникновения» этого тематического элемента в подпарадигму настоящего времени, т. е. как возникновение контаминированной парадигмы. Этим морфологическим объяснением диктуются написания *сыпишь*, *сыпит*, *сыпим*, *сыпите* — в соответствии с уже бытующей

щим в практике *сыпят*. (Такое решение уже принято в [6], см. с. 700—701.)

Интересно проанализировать, почему в практике печати стихийно сложилось «нелогичное» соотношение *сыпет* — *сыпят*. Интуиции пишущих хватает на то, чтобы не написать **сыпют*, из-за отсутствия глагольных словоформ с орфографическим сочетанием «губная + -ют»². Написания же *сыпешь*, *сыпет*, *сыпем*, *сыпете*, имеющие аналогию в таких словоформах, как *гребешь*, *скребет*, *реем*, *снимете* и т. п., непосредственная интуиция «рядового пишущего» не отвергает. Как мы видели, только достаточно сложный грамматический анализ позволяет установить, что и эти словоформы содержат флексии второго спряжения³.

Предлагаемое объяснение вскрывает механизм морфологической трансформации глагола *сыпать* и подобных ему, но оставляет без ответа вопрос о «движущей силе» этих изменений. Представляется понятным и закономерным, когда непродуктивные соотношения заменяются продуктивными, между тем глагол *сыпать*, изменяясь, уподобляется уникальному глаголу *спать*; ср.: *спать* — *сплю* — *спит* — *спят* и *сыпать* — *сыплю* — *сыпит* — *сыпят*. Некоторое объяснение этой «странности» будет предложено после рассмотрения второй группы глаголов.

2. Глаголы *мерить* и *мучить* наряду с закономерными для IV класса подпарадигмами настоящего времени *мерю*, *мерит*, *мерят*, *мерящий*, *меря* и *мучу*, *мучит*, *мучат*, *мучащий*, *муча* имеют варианты подпарадигмы *меряю*, *меряет*, *меряют*, *меряющий*, *меряя* и *мучаю*, *мучает*, *мучают*, *мучающий*, *мучая*. Возможное объяснение этой вариантности — параллельное оформление этих двух глаголов по I продуктивному классу — предполагает существование инфинитивов *мерять*, *мучать* и соответствующих им других словоформ, относящихся к подпарадигме прошедшего времени (*мерял*, *мерявший*, *мучал*, *мучавший* и т. д.). Именно такой точки зрения придерживается А. А. Зализняк (см. [5]).

Исходя из этого объяснения, следует узаконить написания *мерять*, *мерял*, *мучать*, *мучал* и т. д. Они встречаются в практике, но орфографический словарь их не рекомендует, поскольку в звучащей речи *мерить* и *мерять*, *мучить* и *мучать* не различаются. Такое орфографическое решение кажется убедительным. С морфологической же точки зрения вызывает сомнение идея «перехода» глаголов из одного продуктивного класса в другой. Все это заставляет искать другое объяснение морфологической вариантности, возникающей в парадигмах глаголов *мерить* и *мучить*.

Реально в звучащей речи вариантность представлена у этих двух глаголов лишь в одной подпарадигме — настоящего времени. Как же соотносить словоформы *меряю*, *меряет* и *мучаю*, *мучает* с инфинитивами *мерить* и *мучить*? В чем причина возникновения вариантности? Прежде чем предложить ответ на эти вопросы, рассмотрим еще одну небольшую группу глаголов.

Глаголы *ездить*, *елозить* и *лазить*, также относящиеся к IV классу, имеют такие (резко противоречащие литературной норме) варианты

Удивительно, что словоформа *сыпют* фигурирует как разговорная в одном из современных нормативных словарей наряду с *сыпешь*, *сыпет* и т. д. (см. [7]). Обратив внимание на «несообразность» соотношения *сыпет* — *сыпят*, авторы этого словаря устранили ее совсем не тем путем, каким следовало.

³ А. А. Шахматову это представлялось самоочевидным: «Вместо *сыплю* — *сыплешь* весьма обычно *сыплю* — *сыпишь*» [8]. Ср. также в рецензии А. А. Реформатского на одну научно-популярную книгу: «Радует также и такая морфологическая мелочь, как написание нейтрального *сыплются* по I спряжению, а просторечного *сыпятся* — по II спряжению» [9].

подпарадигмы настоящего времени: *ездию, ездит, ездют, едьющий, едья; елозию, елозит* и т. д.; *лазию, лазит* и т. д. Именно так (с *-ию, -ит* и т. д.) пишутся в необходимых случаях эти просторечные словоформы. Различие письменной передачи не заслоняет морфологической родственности соотношений *мучить — мучаю и ездить — ездю*, а написания *ездию, елозию, лазию* «наталкивают» на разгадку явления.

Здесь нам понадобится предложенное А. А. Зализняком деление русских глаголов на *у с е к а е м ы е* и *н е у с е к а е м ы е* (см. [10]). Каждая из этих больших групп включает более одного морфологического класса, которые тоже можно характеризовать как *у с е к а е м ы е* и *н е у с е к а е м ы е*. К последним относятся классы I и II, остальные классы — *у с е к а е м ы е*.

Существуют параллельные *н е у с е к а е м ы е* и *у с е к а е м ы е* классы «на базе» одинаковых тематических элементов, причем первые являются продуктивными, а вторые — непродуктивными. Такие параллельные классы есть с тематическими гласными *а* и *е*; ср.: *читать — читаю* (*н е у с е к а е м ы е* глагол I класса) и *писать — пишу* (*у с е к а е м ы е* глагол VI класса), *сесть — седею* (*н е у с е к а е м ы е* глагол II класса) и *сидеть — сижу* (*у с е к а е м ы е* глагол VII класса).

С тематической гласной *и* существует только один глагольный класс — IV, который является *у с е к а е м ы е* и при этом продуктивным. Сочетание этих качеств оказывается предпосылкой возникновения формальных трудностей. *У с е к а е м ы е* глаголы (не все, но только они) являются носителями морфонологических чередований архаического типа (зубных с шипящими, губных с сочетаниями губных с <л'>), т. е. тех чередований, которые в известном смысле изживаются русской морфонологической системой. Их окончательному переходу в разряд реликтов мешают как раз глаголы на *-ить*: парадоксальным образом продуктивный глагольный класс является источником воспроизведения архаических чередований! Хорошо известны возникающие в связи с этим морфологические трудности, в частности, отсутствие по формальным причинам словоформ 1 л. ед. числа у ряда глаголов (*дерзить, победить* и т. п.). При этом литературная норма прочно удерживает «морфонологический барьер», не допускающий проникновения в 1 л. ед. числа парномягких согласных вместо закономерных для этой морфонологической позиции членов чередований (типа **пылесосу* вместо **пылесошу*).

Налицо явное и труднопреодолимое морфонологическое противоречие. Предпосылкой его радикального преодоления может быть формирование «*н е у с е к а е м ы е*» класса на базе тематического элемента *и*. То, что наблюдается в рассмотренных выше пяти глаголах, и является попыткой формирования такого глагольного класса на *-ить*, который по соотношению подпарадигм был бы аналогичен I и II классам; ср.: *читать — читаю, белеть — белею, ездить — ездю*. Разумеется, сказанное не следует понимать прямолинейно, как «прогнозирование» появления в русском языке нового глагольного класса. Это всего лишь гипотеза, помогающая разгадать загадку глаголов *мерить* и *мучить*.

Следует ли из сказанного, что нужно писать *мерию, мучию* — по образцу *ездию, елозию, лазию*? Как кажется, в таком «орфографическом максимализме» нет надобности. Но предложенная морфологическая интерпретация происходящего в парадигмах глаголов *мерить* и *мучить* подтверждает правильность интуиции составителей орфографического словаря, не узаконившего написания *мерять, мучать, мерял, мучал* и т. д. Имея в виду эту интерпретацию, можно спокойно принять соотношение

мерить — *меряю*, *мучить* — *мучаю*, «не смущаясь» их орфографическим несоответствием. Именно такое решение проведено в [6] (см. с. 701).

Остается выполнить данное выше обещание. Только что сказано о морфонологических затруднениях, с которыми бывает связано образование 1 л. ед. числа настоящего времени глаголов на *-ить*. Но оказывается, что эти затруднения не распространяются на глаголы с основами на губные согласные. Морфонологическое противопоставление сочетаний «губная + <л'>» мягким губным оказывается более стойким, чем эквивалентные ему противопоставления шипящих мягким зубным (<ж> — <д'>, <ж> — <з'>, <ч> — <т'>, <ш> — <с'> и др.). Можно предположить, что в процессе эволюции русской морфонологической системы эта эквивалентность в дальнейшем не сохранится; в частности, в глаголах IV класса может остаться продуктивным чередование губных с сочетаниями губных с <л'>, на котором держится морфонологическое противопоставление 1 л. ед. числа остальным словоформам (*креплю* — *крепит*, *крепят*), при утрате продуктивности чередованием зубных с шипящими.

Стойкость чередования «губная — губная + <л'>» может объясняться его распространение на новые слова, даже не опирающееся на «типичные» модели, что наблюдается в глаголе *сыпать* и подобных ему. Другой интересный в этом плане факт — появление у глаголов II продуктивного класса *выздороветь*, *опротиветь* (с настоящим временем *выздоровею*, *выздоровеет*, *выздоровеют* и *опротивею*, *опротивеет*, *опротивеют*) вариантных подпарадигм *выздоровлю*, *выздоровит*, *выздоровят* и *опротивлю*, *опротивит*, *опротивят*, парадоксальным образом заменяющих продуктивные соотношения непродуктивными («переводящих» глаголы из II класса в VII).

Остается в заключение сослаться на формальную модель русской морфологии трех авторов (см. [11]), в которой последовательно осуществляется продемонстрированный здесь подход к устройству глагольных словоформ и парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карцевский С. О. Повторительный курс русского языка. М.; Л., 1928. С. 77—78.
2. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. II: Морфология. Братислава, 1960. С. 67—97.
3. Красильникова Е. В. Совещание по формальной морфологии и словообразованию // Тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. 1972. Вып. 15. С. 188.
4. Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 656.
5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
6. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Аванесова Р. И. М., 1983.
7. Розенталь Д. Э., Геленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 6-е изд. М., 1987. С. 357.
8. Шахматов А. А. Из Очерка современного русского литературного языка // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952. С. 231.
9. Реформатский А. А. // РЯШ. 1970. № 5. С. 109. Рец. на кн.: Книга о русском языке. М., 1969.
10. Зализняк А. А. К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 134—135.
11. Бидер И. Г., Большаков И. А., Еськова Н. А. Формальная модель русской морфологии. Ч. I—II. // ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 111, 112. М., 1978.